
РЕЦЕНЗИИ

Л.С. Клейн

**УКРАИНСКОЕ ОСВОЕНИЕ ТРИПОЛЬЯ:
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ – СПРАВОЧНИК ИЛИ ПАМЯТНИК?**

Веха. К 2004 г. с обретения независимости Украины прошло 13 лет, открытию трипольской культуры исполнилось чуть больше 130 лет. Для украинской археологии – дело чести показать, как быстро и разумно она освоила наследство Российской империи и Советского Союза, как распорядилась культурным наследием тысячелетий. Трипольская культура – одна из самых ярких и богатых археологических культур Украины, хоть, может быть, и не самая-самая (есть и другие, не менее интересные: скифы, Киевская Русь, катакомбная культура). Так или иначе, именно трипольская культура была избрана как пробный камень.

Вышедшая в Киеве в 2004 г. «Энциклопедия трипольской цивилизации» – роскошное издание, коллективный труд украинских археологов – несомненно, останется в библиотеках памятником величию трипольской культуры и национальным чувствам украинских меценатов эпохи обретения независимости. Без меценатов-коллекционеров, покойного С.Н. Платонова и С.А. Таруты, пожертвовавших свои коллекции трипольских вещей и огромные средства на издание, оно было бы неосуществимо. Нужно отметить и колоссальный труд археологов, прежде всего главного редактора и автора многих статей М.Ю. Видейко, а также ответственный секретарь редакции Н.Б. Бурдо. Разумеется, нельзя забывать, что в сегодняшние результаты вложен и многолетний самоотверженный труд многих поколений археологов Украины, России и Молдавии – Пасек, Бибикина, Маркевича, Черныш, Мовши, Зиньковского и др.

Это великолепное справочное издание, с тремя тысячами цветных иллюстраций на мелованной бумаге. В науку введены многие памятники, неизвестные ранее и собранные в коллекции «Платар» (Платонова и Таруты). При-

веден реестр всех основных памятников, история изучения, описаны конференции и выставки, научные биографии исследователей. Статьи и фото сопровождаются библиографией. Многим исследователям придется не раз обращаться к этому изданию. Не обойти и обобщающие статьи, написанные ведущими исследователями трипольской культуры по основным проблемам ее изучения. Это издание есть веха в ее изучении, таковым оно и пребудет.

Презентация издания происходила на «всемирном конгрессе», так и названном: «Трипольская цивилизация». Мало в мире найдется памятников и культур, которые удостоились столь ценного издания. В русской археологии можно назвать «Византийские эмали» Н.П. Кондакова (экземпляр был продан на аукционе за 4,6 млн. рублей), «Золото скифов» М.И. Артамонова. Из культур не могу припомнить ни одной.

В борьбе с искушениями. Отрадно, что авторы основных статей, прежде всего, М.Ю. Видейко, противостоят националистическим увлечениям некоторых археологов и лингвистов (как украинских, так и российских) – Ю.А. Шилова, А.Г. Кифишина и др. и трезво разоблачают создаваемые на этой почве мифы (в особом приложении к первому тому). Российским археологам приятно отметить, что роль их в изучении трипольской культуры не замалчивается и не затушевывается.

«Сегодня, когда трипольведению св. 130 лет, – пишет М.Ю. Видейко, – неразумными (и вместе с тем вредными для науки) представляются попытки противопоставить работы М.С. Грушевского или В.В. Хвойки исследованиям «советских» археологов, которые якобы занимались исключительно фальсификацией древней истории украинского народа или «уп-

прямо замалчивали» и «приносили» трипольскую культуру. Взгляд на историю исследований позволяет расставить всё по местам.

Выпады в адрес «советской археологии» тем более неумны на фоне финансовых проблем археологии украинской, которая развивается пока что лишь благодаря источниковедческой базе, созданной в предшествующие 130 лет – сначала на деньги разнообразных институций двух империй (Российской и Австро-Венгерской), а позже – межвоенной Польши, а также 70-летнего господства «тоталитарного режима».

Главному редактору и его ближайшим сотрудникам, видимо, приходилось преодолевать и в среде собственного коллектива эти тенденции к мифотворчеству и принижению советской археологии.

В своей статье в приложении ко второму тому (с. 12 – 18) «Состояние и перспективы исследований, охраны и популяризации трипольской цивилизации» И.А. Заец, народный депутат и глава благотворительного фонда «Триполье», выступает против традиции считать Триполье лишь одной из археологических культур – Триполье должно, по его мнению рассматриваться как «культура, основополагающая для европейской цивилизации» (с. 12). Он также выступает и против гипотезы о происхождении трипольской культуры из балкано-дунайских культур, она должна непременно происходить из местных культур. Противоположный взгляд Заец рассматривает как антипатриотическую позицию и наследие колониального режима. Жаль, что народный депутат не понимает: при таком настрое объективное исследование прошлого невозможно, а фонд будет творить не благо, а нечто иное.

В том же приложении выступает со статьей «Триполье – окно в начало истории» (с.5-10) известный депутат Верховной Рады, профессор экономики Владимир Кириллович Черняк, редактор всего приложения. Он пишет, что трипольцы «первыми в истории решили продовольственную проблему, первыми начали строить настоящие здания, как правило, двухэтажные, в которых впервые появились двери...» и т.д. (с.5). «У трипольцев-усатовцев впервые появились курганы – прообраз пирамид». «Уже собрано достаточно фактов и аргументов для развенчания ортодоксальных представлений о начале цивилизации как «света с Востока». Настало время сломать стереотипы и осуществить новые географические открытия касательно истоков цивилизации... Трипольская культура, по сути, была первой цивилизацией человечества». И ссылается на писания Ю. Шилова, А. Кишишина (а также на высказывания солидных археологов Г. Кларка и С. Пигот-

та, но вырванные из очень старых книг – середины прошлого века).

Ну, помилуйте, Владимир Кириллович, и Вы туда же... Полноте, где же *первые* здания, *первые* двери, когда есть Иерихон рубежа IX-VIII тыс. до н.э. в Палестине, Чатал-Гююк с храмами и росписями VII-VI тыс. до н.э. в Малой Азии, а трипольская культура в 5400-5100 гг. до н.э. только начинается на Украине, несколько раньше – в Румынии и Молдавии, а ее огромные поселения («протогорода») появились на тысячу лет позже. Где же *первые* курганы, когда усатовская культура начинается примерно с 3400 г. (некоторые сейчас датируют 3500), а Майкопский курган и его культура – с 3700 или даже с 3900 г.

Черняк вменяет в вину Л.Л. Зализняку «пра-семитизацию» Триполья. Очень знающий и осторожный археолог Зализняк, по формулировке Черняка, «исключает трипольцев и других наидревнейших хлеборобов из круга индоевропейских народов» (с.7). Этническое определение древних культур дело очень сложное и пока сугубо гипотетическое. По внушительным исследованиям палеогенетиков вся южная и отчасти центральная Европа в неолите заселена из Ближнего Востока. Так что предположение об афроазиатской (т.е. семито-хамитской) языковой принадлежности ранних земледельцев Старой Европы имеет шансы подтвердиться, тогда как признаки индоевропейской принадлежности гораздо менее весомы. А Черняк возмущается тем, что из книги Зализняка «вытекает, что Трипольская культура не имеет индоевропейских этнических признаков. А каких? Семитских?» – задает риторический вопрос Черняк (с.7). Ему это кажется совершенно немыслимым и неприемлемым. А что страшного, если семитских?

Черняк опровергает гипотезу Зализняка тем, что арабы, которых он считает западными семитами, явились в «обжитую шумерами Месопотамию» в III тыс., а иудеи, якобы восточные семиты, вошли в историю на тысячу лет позже, тогда как трипольская культура уже давно существовала. С той же логикой можно отрицать и индоевропейскую принадлежность трипольской культуры, поскольку индоарии, иранцы, греки и даже хетты появились на исторической арене гораздо позже трипольской культуры. Я уж не говорю о том, что Черняк перепутал западных семитов с восточными.

Правда, эти приложения появились во втором томе и с предисловием, что это альтернативные академической науке взгляды, которых редакция тома не разделяет. Они появились даже с отдельной пагинацией.

Во всяком случае всё это показывает, в какой обстановке главному редактору приходилось отстаивать линию на объективную науку.

Некоторые недоумения. За это и за весь труд читатели, естественно, благодарны создателям этой махины. Но, потратив огромные средства и замахнувшись на столь большое дело, создатели энциклопедии должны быть готовы к тому, что и претензии к ним будут предъявлены, так сказать, повышенные.

Прежде всего, непонятно, почему создатели энциклопедии исключили из содержания историческую и этническую интерпретацию материалов трипольской культуры, отвели проблемы исторической реконструкции (с. 17), хотя на деле постоянно касаются их. Да и как их не касаться? Но коль скоро авторы порознь касаются этих вопросов, фрагментарно, они считают себя вправе не мотивировать свои предпочтения всесторонне. В результате многие суждения выглядят субъективными или неправомерными.

Второе недоумение возникает в связи с территориальным охватом. Создатели энциклопедии ограничились территорией Украины, тогда как культура распространена и в Молдавии и Румынии. Получается не энциклопедия трипольской культуры, а энциклопедия ее части, причем отрезанной не по древним рубежам территориальных вариантов, а сугубо современными государственными границами. Это правомерно при изучении охраны памятников и некоторых других частных аспектов, но не археологической культуры в целом.

Третье недоумение связано с тем, как нам относиться к тому, что в частных коллекциях, легших в основу издания, явно использованы результаты «черной археологии». Во-первых, где гарантии, что эти бинокли и модели не фальшивки, а во-вторых, встает вопрос этический. С одной стороны, коллекционеры спасли находки от гибели и забвения, ввели их в науку, с другой – ввели их в науку без необходимой документации, без сведений о комплексе, без датировки, и сама их покупка является поощрением грабителей к дальнейшему разграблению национального достояния. В аналогичной ситуации (за согласие посмотреть грабительски раскопанные сокровища Иортана в Турции неподалеку от Трои и приобрести фотоснимки – только фотоснимки!) был надолго дисквалифицирован и лишен права раскопок в Турции известный английский археолог Джемс Меллаарт. Но эта проблема требует общего законодательного решения. На Украине в общественности есть люди,

которые понимают это (Махун 2004), но надо, чтобы это поняли законодатели.

Разбор по главам. Структура издания такова. Первый том – вводный, он содержит систематическое описание трипольской культуры. Том второй дает расположенные в алфавитном порядке объяснения основных терминов и понятий, связанных с трипольской культурой.

В предисловии анонсировано издание первого тома в двух частях, но часть вторая (альбом коллекций) не вышла.

Том первый. В первом томе, как он есть, 9 глав: 1) история исследований, 2) периодизация и хронология, 3) экономика, 4) планировка и архитектура поселений, 5) духовная культура, 6) знаковые системы, 7) антропологический состав, 8) вооружение и военное дело, 9) трипольская культура в европейском контексте.

Раздел по истории исследований (автор М.Ю. Видейко) написан блестяще: полно, всесторонне и умно. Показано, что открыл первые памятники этой культуры собственно не Хвойка на Днестре в конце XIX века, а австро-венгерские исследователи в Западной Украине в 1822 г. и в 70-е годы XIX века (пещера Вертеба, Бильче-Злоте). Показаны и достижения и слабости энтузиаста Хвойки. Рассмотрены последовательно разные этапы исследований и выявлены основные достижения каждого. Смущает только странная терминология заглавий: исследования разделены на полевые и научные. А полевые – что, не научные? За вычетом полевых остаются исследования камеральные и кабинетные, хотя археологи и не любят этих слов. Слова «кабинетный ученый» кажутся им унижительными. Но вся работа над энциклопедией – камеральная и особенно кабинетная.

Отлично написан и раздел по периодизации и хронологии трипольской культуры (в основном тот же автор). Обычно как-то выпадает из рассмотрения, что не вся периодизация Триполья строится на работах Т.С. Пассек, что на деле в основу всей периодизации легли три схемы – О. Кандыбы, Губерта Шмидта – В. Думитреску и Т.С. Пассек. Видейко восстановил эту картину. Он детально рассмотрел разные итоговые схемы радиоуглеродной датировки и вывел приемлемую шкалу датировки Триполья.

Проблема происхождения трипольской культуры (автор Н.С. Бурдо) почему-то вписана в главу о периодизации, хотя это особая проблема. Проблема рассмотрена объективно на большом материале и решается в пользу культуры Боян и других культур Балкан и Подуна-

вья. Буго-днестровская гипотеза В.Н. Даниленко отвергнута.

Проблема позднего Триполья рассмотрена тут же в разделе В.А. Дергачева, с обычной для этого автора четкостью и детальностью (конечно, детальнее – в его специальных работах).

Но бросается в глаза, что соответствующей разработки раннего Триполья в книге нет и, что более существенно, нет раздела о конце Триполья, о причинах конца и судьбах населения в результате конца Триполья. Есть в литературе разработки того же Дергачева, есть противоположные гипотезы, но в энциклопедии нет ничего.

Глава об экономике написана разными авторами (по разделам). Это большая глава, она сделана впечатляюще, с детальными обоснованиями выводов, со схемами и диаграммами. Особенно ярко выглядит сопоставление схем состава стада усатовского поселения Маяки и Казахского отгонного скотоводства XIX века (с. 196). Разумеется, внушительность раздела о металлообработке обязана основополагающим исследованиям Н.В. Рындиной.

Глава о планировке (В.П. Дудкин и М.Ю. Видейко) и архитектуре поселений (М.Ю. Видейко) очень интересна и богата материалом, но не очень убедительна. Авторы трактуют эллипсоидные и кольцевые планы поселений в оборонительном ключе. Во многих поселениях такого плана жилища выстроены очень близко друг к другу, кое-где впритык, но чаще на некотором расстоянии, длинными осями по радиусам. А в центре поселения обычно оставлено свободное пространство. Авторы называют это расположение «жилыми стенами», и в нескольких местах сообщено, что термин ввели в 1987 г. Н.М. Шмаглий и М.Ю. Видейко (т. I, с. 489; т. II, с. 168). Насколько я знаю, термин употреблял в 40-е годы С.П. Толстов в Средней Азии, причем по отношению к действительно жилым стенам: крепостным стенам, полым и заселенным внутри – Кюзели-гыр, Калали-гыр и др. (Толстов 1948: 91-95). Так что правильнее было бы сказать, что термин *перенесли* на трипольские поселения означенные авторы. На самом деле такое употребление термина сугубо фигуральное. Поселения трипольской культуры «жилыми стенами» не обладают, оборонная ценность этих колец зданий сомнительна (тем более, что дома расположены длинными осями не вдоль кольца, а поперек – по радиусам. Простреливаться из зданий (как это представляют авторы) промежутки между зданиями не могли, ибо окошки небольшие, а лук – не револьвер, требует пространства для манипулирования).

Свободное пространство в центре кольца скорее было предназначено для скота, чем для собрания воинов. Что же до кольцевого плана, то в сочетании с заборами он мог быть также предназначен для удержания скота, а мог быть следствием иерархии семей: старые семьи селились близко к центру, новые – все дальше от него. Возможны и другие причины. Это требует исследований. Об укрепленности же свидетельствуют валы и рвы.

Что касается реконструкции домов, то странно, что все реконструкции – двускатные или четырехскатные островерхие, а все глиняные модели домов, весьма реалистичные, имеют низкую и округлую крышу. По каким образцам моделировалась реконструкция? По украинским мазанкам? Двухэтажность тоже под вопросом. За первый этаж могли сойти полуподвальные помещения для скота, а вся конструкция должна была предохранять хозяев дома от сырости (что на манер казачьего куреня).

Большая глава о духовной культуре, богатая материалами, написана в основном Н.С. Бурдо. Исследовательница решила отойти от марксистской догматической концепции и, анализируя трипольские материалы, построила схему духовной культуры, основываясь на переводных трудах Дюркгейма, Мосса, Каюа и Элиаде. Однако и эта разработка, как и многие другие, не дает цельной системы верований и представлений древних земледельцев.

Ритуал непрямого сожжения поселений при оставлении, засевавший в представлениях многих археологов, не кажется мне твердо доказанным. Поселения сгорали – это факт. Но почему? Причины могли быть разные: обычные частые катастрофы (пожар) и оставление поселка в результате; нападение врагов (хотя бы соседей); сожжение из-за мора и толкования его как гнева богов; уничтожение, чтобы не досталось никому, кто захотел бы воспользоваться и поселиться на «наших» землях. Африканские туземцы на вопрос, почему они покидают свой поселок после нескольких лет жизни, объяснили этнографу: «потому что он воняет». Для реконструкции именно ритуала (так сказать, принесение в жертву богам) нужно было бы найти близкие аналогии в мифах.

Совершенно отсутствует толкование отсутствия погребений до периода СII, до Усатово. Между тем, это проблема, важная для всех культур энеолитической расписной керамики, и как-то она поддается решению (вопрос о выставлении покойников на съедение птицам и псам).

Глава о знаковых системах трипольской культуры написана в основном главным ныне

пропагандистом этой идеи Т.М. Ткачуком. Хорошо, что Ткачук собрал и классифицировал символы и знаки, появляющиеся на трипольской керамике. Теперь можно их оценивать и обсуждать. Меня эти знаки не убеждают в наличии письменности. Часть из них является сильно стилизованной орнаментикой, другая часть очень похожа на знаки собственности – тамги. Надписей нет. Что такие знаки в принципе могут развиваться в письменность, нет сомнений. Но никаких свидетельств этого развития нет. Видимо, не было и условий для него. Обычно такими условиями являются дворцовые институты, которым требуются экономические архивы. Некоторый стимул дают и сильные жреческие службы, нуждающиеся в фиксации канонических текстов для обучения кадров. Если же того и другого нет или они только в зародыше, то толчок может быть получен от соседей, письменность имеющих. Ничего этого в Триполье не наблюдается.

Иное дело семантика орнаментальных узоров. Вероятно, она имела. Но в большинстве случаев ее толкование крайне проблематично, что показывает судьба талантливых расшифровок Б.А. Рыбакова. Они не стали каноническими, разве что у фанатов славянского этногенеза от трипольской культуры. Выдвинуты другие толкования с равной правдоподобностью.

В крохотной главе об антропологическом составе трипольской культуры на удивление мало материала. Впрочем, удивляться не приходится: мало погребений. Вероятно, прорыва в этой сфере нужно ждать от палеогенетиков.

Глава о вооружении и военном деле трипольцев написана интересно, это опять Видейко. Здесь существенна констатация сильной вооруженности трипольцев по сравнению со степными племенами – наличие у них наиболее полного и совершенного вооружения для того времени. В совокупности с густотой населенности по сравнению со степными культурами (там население редкое) это создавало значительные военные преимущества. Видейко резонно отвергает реконструируемый многими (а в последнее время – Энтони и Дергачевым) успешный натиск степняков на трипольское население. Степняки, считает он, не имели никаких шансов на успех.

Возможно, с этим и связана неукрепленность многих трипольских поселений на протяжении ранних этапов культуры, когда их основными соседями были степняки.

Укрепления, однако, у трипольцев появились на поздних этапах, когда к ним приблизились носители культур воронковидных кубков, шаровидных амфор и баденской – культур, весьма

многолюдных и отнюдь не столь слабо вооруженных, как это рисует Видейко. Да ведь как-то трипольская культура и вошла в кризис, завершившийся ее исчезновением. Вероятно, причинами были как климатические изменения, так и натиск центрально-европейского населения.

Эти контакты и взаимодействия Видейко же и рассматривает в последней главе первого тома, очень небольшой.

Из приложений полезную статью Видейко о мифотворчестве, связанном с трипольской культурой я уже отмечал. Остановлюсь также на интересной по замыслу статье В.В. Индугного «Оценка археологических находок трипольского времени». Экспертная оценка археологических объектов, как и предметов искусства, очень важна для музейщиков, а производится всегда чрезвычайно субъективно. Автор решил поверить алгеброй гармонию. Он определил критерии, которые выявляют социокультурное значение археологических находок – определил весьма полно и разумно. Объективно. Но затем проставил в цифрах, сколько баллов нужно давать за разные степени проявления признаков по каждому из этих критериев – а вот это уже вполне субъективно. И уравнивал все критерии – историю находки, возраст, степень уникальности, связь с культурной традицией и т.д. Эксперты вряд ли с этим согласятся. Уровни значения (локальное, национальное, мировое) автор раскладывает по шкале количества информации в битах (возрастание в простой прогрессии), а по ним определяет «коэффициент прогнозной ценности памятника относительно базовой ценности» (возрастает в геометрической прогрессии)... Объективность, механизм и смысл этой оценки от меня ускользают.

Кроме того, при любом переводе такой шкалы в денежное выражение нужно учесть, что на рынке древностей, как на любом рынке, цена определяется не «прогнозной» или «базовой» ценностью объекта, а игрой спроса и предложения.

Том второй. Второй том, словарного типа, содержит экспликации следующих видов понятий: персоналий, памятников, специальных терминов археологии, музеев и научных учреждений, конференций и симпозиумов, а также выставок и других проявлений трипольской тематики в социокультурной сфере современности.

Как мне представляется, внесение объяснений общих понятий археологии (Н.С. Бурдо) в словарь по Триполью не является необходимым, тем более что некоторые из них трактуются в археологии по-разному.

Например, «археологическая культура» разъясняется как «совокупность археологических памятников и комплексов, артефактов на определенной территории и в определенное время». Берем любую территорию и любое время – всё, что окажется внутри, объявляем археологической культурой. Так? Получается так.

Возьмем другое определение – «Археологический Комплекс Памятников». Это понятие Ю.Н. Захарука разъясняется так: «совокупность археологических материалов, полученных в результате археологических и археометрических исследований». Ну, под это подойдет всё, что угодно. Уточняющее дополнение: «Характеризуют (sic! – Л.К.) определенную группу одновременных археологических памятников (поселений, могильников, погребений и т. п.) с однотипными чертами, распространенных на определенной территории – тип памятников, принадлежащий определенной культуре». А это охватит всю археологическую культуру. В чем же разница?

Возьмем третье понятие – «инвентарь». Определяется как «общая характеристика артефактов погребального комплекса». Инвентарь – это характеристика или совокупность артефактов? А разве нельзя говорить о кремневом инвентаре такого-то клада? Палеолитчики говорят об инвентаре любого комплекса. Вот «сопроводительный инвентарь» – это сугубо о погребениях.

Очень слабо раскрыто понятие «типологического метода» (для Н.С. Бурдо это просто типология).

Из других недочетов упомяну словарную статью о Йозефе Шомбати. Правильное чтение его имени и фамилии – Йожеф Сомбати (Szombathi Joseph). Венгерское *s* – это русское *ш*, а венгерское *sz* – это русское *с*. Ошибочно прочтен и С. Ястжембски (S. Jastrzębski) – правильное чтение фамилии: Ястшембски (в польском *rz* действительно читается как *ж*, но после *t* или *p* оно превращается в *ш*).

Лично меня, конечно, заинтересовала словарная статья и другие упоминания о Карбунском кладе, поскольку в 60-е годы я затратил много времени на его анализ и выпустил большую работу, специально ему посвященную (Клейн 1968). Я собрал все доступные мне тогда аналогии вещам клада, картировал их и пришел к выводу, что металлические вещи импортные, а очаг производства – в тисапольгарской области. То же утверждала и Рындина (1971). Я тогда под воздействием работ В. Милойчича еще не признавал радиоуглеродные даты и датировал клад по короткой хронологии, что было неверно. Но относительная хронология Юго-

Восточной Европы у меня была, в общем, построена верно, а множество точечных карт ареалов типов делало работу годной для использования (даже и сейчас). Работа была трудоемкая и сделана профессионально. Через 30 лет свою работу о Карбунском кладе издал мой ученик Дергачев (1998), который исправил мою абсолютную датировку. Мне жаль, что моя работа вовсе не упомянута в Энциклопедии.

В связи с моей короткой тогда хронологией в Энциклопедии упоминается, что она повлияла на Н.А. Чмыхова и И.Т. Чернякова, привела их к неверным датировкам (т. I, с.91). Нужно учесть, что речь идет о моих работах 1964–68 годов, а вскоре я отказался от короткой хронологии и вместе со всеми перешел на радиоуглеродную, тогда как работа Чмыхова и Чернякова опубликована в 1988 г., через два десятилетия, в совершенно другой обстановке. На хронологию Чмыхова влияла не моя старая ошибочная позиция, а его фантастическая астрально-календарная археология. Чмыхов был человеком талантливым и увлеченным, но, к сожалению, не получившим хорошей школы, научной методики. Он приезжал ко мне перед своей защитой кандидатской, доказывал мне красоту своих астрально-календарных построений и их соответствие моим выводам по катакомбной культуре. Я пытался убедить его, что его устои не выдерживают критики (по критериям научной методики), но не преуспел. Он был еще и «упертым», а может быть, ему уже поздно было перестраивать систему взглядов: слишком много авансов было выдано. Он был очень расстроен тогда, ему хотелось признания авторитетных археологов, и, несмотря на успешную защиту кандидатской, а затем и докторской, вероятно, подспудное осознание слабости своего построения привело Чмыхова к преждевременной и внезапной смерти.

В общем контексте издания эпизод с моей работой, разумеется, мелочь, но для меня это не мелочь – работа над Карбунским кладом заняла несколько лет моей жизни.

Ко второму тому, кроме уже упомянутых статей с альтернативным трипольеведением (не все приложенные статьи таковы), также приложены именной указатель лиц и памятников, но только по второму тому. Общего по обоим томам нет (а к первому тому указатель не сделан). Предметного указателя тоже нет. Это упущение компенсируется тем, что выпущен компьютерный диск с энциклопедией – значит, можно будет отыскать любое слово с помощью вордовского искателя, но для этого нужно приобрести диск.

Кроме восхищения техническими достоинствами издания и трудом украинских коллег,

есть и одно грустное впечатление от проглядывания второго тома: как мало осталось действующих археологов, профессионально занимающихся трипольской культурой на Украине! При сравнении с обилием крупных экспедиций и коллективов «раньше времени», на фоне памяти о выдающихся фигурах (Пассек, Бибиков, Маркевич, Захарук, Збеневич, Мовша, Черныш, Рындина...) современные трипольеведы теряются, зато чрезвычайно размножились на ниве трипольеведения полужайки-мифотворцы и черные археологи.

Добрые пожелания. В завершение перейду к двум общим вопросам, вероятно, болезненным для моих украинских коллег, но принципиальным и требующим моего реагирования.

Первый – это вопрос о применимости к трипольской культуре эпитета «цивилизация» (вопрос задают и украинские журналисты – Махун 2004). С моей точки зрения, понятие цивилизации не так уж расплывчато, как это хотят представить авторы энциклопедии. По крайней мере, три признака признают все или почти все. Это письменность, государственный аппарат и города. Об отсутствии письменности в трипольской культуре я уже говорил, а протописьменность трипольского типа (развитой орнамент и тамги) цивилизацию не знаменует. Государственной власти в Триполье незаметно – выделенной армии или хотя бы дружины, полиции, суда, налогов – никаких признаков. Огромные поселки типа Майданецкого городами и даже прото-городами нельзя назвать. Это большие деревни, сёла. Жители практиковали сельское хозяйство, а ремесленников было не больше, чем в любой деревне. У них не было кормившей их сельской округи. Не было в них и особых крепостей или дворцов для правителя. В лучшем случае дом побольше для старейшины или для мужского союза. Словом, никаких признаков города.

Поэтому энциклопедию лучше было назвать поскромнее – «Энциклопедия трипольской культуры». Меньше было бы оснований для юмористического обыгрывания (которое я уже встречал в интернете, и отнюдь не с российской стороны – см. Бузина 2006). Считаю, что в этом вопросе главный редактор поддался общей атмосфере и сделал шагок навстречу мифотворческому увлечению. Трипольская цивилизация – это тоже миф (Куроленко 2005). Даже скифы имели только один признак цивилизации – государственность, а этого мало. Цивилизация пришла на берега Черного моря с эллинами, а в Среднем Поднепровье, возможно, с готами Германариха, но первая устойчивая цивилиза-

ция здесь – это Киевская Русь. В дальнейшем стоило бы учитывать это.

Второй вопрос – о практичности издания, а он сводится к вопросу о языке и цене. Если издание мыслилось как памятник, тогда, конечно, чем дороже, тем лучше, а коль скоро Украина мыслится как главная наследница трипольской культуры (оттесняя Молдавию и Румынию, не говоря уж о России, которая вообще сбоку припеку), то украинский язык – единственно возможный.

Но если главная цель издания – как можно шире распространить знание о трипольской культуре, показать всем богатство трипольской культуры и успехи украинской археологии в ее познании, то издание нужно сделать максимально доступным как можно более широкому кругу читателей, по крайней мере – всем археологам. А это значит: сделать его не столь дорогим (археологи в наших странах – народ бедный, и даже крупные библиотеки у нас небогатые). Ваше издание – на дорогой мелованной бумаге, которое при ярком свете и читать трудно (отблескивает), а уж тяжесть – неимоверная, каждый том – по три килограмма. Мне, человеку сильно пожилому, их и ворочать трудно. Пожилым библиотекарям их и с полки не достать, и к читателям тащить – на коляске бы. Истинно памятник. Возможно, какую-то часть тиража и стоило бы издать в таком виде – как памятник, а основной тираж издать рабочий, подешевле и попроще. Для работы.

То, что энциклопедия издана на украинском языке, резко сокращает круг ее читателей и пользователей. Русский язык доступен и понятен всем украинцам, и это внушает украинским издателям иллюзию, что и украинский в равной мере доступен и понятен русским. А это совершенно не так. Украинцы понимают русский потому, что он веками был языком международного общения в Российской империи, а потом в Советском Союзе. Украинский же русские понимают на уровне Тарапуньки и Штепселя – как бытовой юмористический слэнг. Как только приступают к серьезному чтению, тотчас спотыкаются и громоздят ошибку на ошибке. Мои студенты, которым я велел читать украинские материалы, несли мне тексты и спрашивали: вот пишут, что обнаружено три шара, а на чертеже ни одного шара нет (шар по-украински – слой). Или: Описано погребение человека, а пол не указан (чоловик – это мужчина). Или: украинцы пишут, что у них не хватает умов для развития археологии – студенты крайне удивлены, не ожидали такой самокритичности (они не поняли, что речь идет не об умах, а об умовах, т.е. условиях). И так на каждом шагу.

Если нужно в энциклопедии найти алтарь, никто из русских не догадается, что нужно искать вивтар. Точно так никто не станет искать вместо кувшина глек, вместо клада – скарб, вместо топора – сокиру. Они даже не поймут без словаря, что тваринництво – это животноводство, а мисливство – охота.

Энциклопедия вышла тиражом в три тысячи экземпляров. То есть рассчитывали на три тысячи покупателей. Вряд ли на Украине есть столько археологов или богатых любителей. Значит, расчет был на иностранцев. А из них наиболее массовый интерес к памятникам Украины – в России и других странах бывшего Советского Союза, объединяемых ныне знанием русского языка. Да и пол-Украины сюда входит. Нужно

считаться с реальным положением дел. Если хочешь, чтобы читали в мире, нужно издавать по-английски, как бы это ни было обидно, скажем, русским. Если хочешь, чтобы слово про археологию Украины было доступно самому заинтересованному массовому читателю, издавай по-русски, как бы это ни звучало политически некорректно в Киеве и скандально во Львове.

А энциклопедия трипольской культуры, при всех недочетах, несомненно, ценное произведение, и оно было бы востребовано на всех просторах бывшего Союза, будь оно подешевле и на русском языке.

Я остановился подробно на недочетах издания именно потому, что считаю его ценным и заслуживающим серьезного и подробного разбора.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузина О. 2006. Миф о трипольском горшке. *Отрывки из «Тайной истории Украины»*: tabloid.1bs.ru/node/559.
- Дергачев В.А. 1998. *Карбунский клад*. Кишинев.
- Энциклопедія. 2004: *Енциклопедія трипільської цивілізації*. В двох томах. Київ.
- Клейн Л.С. 1968. О дате Карбунского клада. *Проблемы археологии* 1. Ленинград.

- Куроленко Н. 2005. Трипольский миф [Интервью с проф. В. В. Отрощенко]. *Киевские ведомости. Субботний собеседник*, №187 (3573), Суббота, 10 сентября 2005 г.
- Махун С. 2004. Всесвітній конгрес «Трипільська цивілізація»: рефлексии дилетанта. *Дзеркало тижня / людина*, 44 (519), 30 жовтня – 5 листопада 2004.
- Толстов С.П. 1948. *По следам древнехорезмийской цивилизации*. Москва; Ленинград.

Статья поступила в номер 14 июля 2008 г.